Дар крови

Reven B.

18+

Reven Black

Дар крови

«Автор»
2026

Black R.

Дар крови / R. Black — «Автор», 2026

Лиора — лекарь. Когда проклятие убивает её сестру, она заключает сделку с Королём Теней: жизнь Майи в обмен на её собственную. Теперь Лиора — жена правителя Забвения, пленница живого замка. Пять жён до неё не прожили и трёх лет. Шестая должна стать якорем печати — или найти способ её перестроить. Но у Сарэна есть сестра, замурованная заживо, мать, ставшая частью Разлома, и третье — то, что он вырвал из себя и спрятал. «Дар крови» — о сделках, у которых всегда есть цена, и о женщине, которая отказывается стать шестым портретом на стене.

© Black R., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Сделка 5
Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 22
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Reven Black
Дар крови

Часть I. Сделка

Глава 1

Свеча догорает. Воск капает на пол тяжёлыми тёмными слезами. Я сижу у постели Майи и считаю вдохи. Сто двенадцать. Сто тринадцать. Сто четырнадцать. Каждый даётся ей труднее. Каждый — с хрипом, с хлюпаньем в лёгких, с влажной нотой, от которой у меня сводит челюсти.

Проклятие забрало её голос три недели назад. Сначала пропал смех — звонкий, как колокольчик, от которого соседские куры разбегались по двору. Потом шёпот. Теперь Майя только смотрит. Глаза огромные, лихорадочно блестящие, в них плещется страх. Она молчит. Ей девять. Она не должна умирать.

— Тише, — говорю я, хотя она и так не издаёт ни звука. — Я здесь.

Я кладу пальцы на её лоб. Кожа горячая, сухая, как пергамент. Под ней — что-то чужое. Оно шевелится. Медленно, лениво, как кот, свернувшийся клубком в её крови. Я чувствую проклятие каждой косточкой, каждой жилкой. Оно пустило корни. Оно пьёт её. Ни один смертный лекарь не знает, как его вынуть.

Я знаю. Но это знание — не из тех, что приносят пользу.

За окном темно. Наша хижина стоит на краю деревни, у самого леса. Старые тропы здесь давно заросли, а камни помнят то, о чём люди предпочитают забыть. В углу — сундук с травами. На полках — банки с настоями. Под потолком — пучки сушёной полыни. Всё это бесполезно. Я перепробовала всё: отвары, припарки, кровопускание, даже мерзкое снадобье из толчёных костей, что принёс старик Мортен за три серебряных. Майя не умерла — но и не жила. Она таяла, как свеча, что догорает на подоконнике.

— Лиора, — беззвучно шевелит она губами. Я читаю: — Больно.

Я сжимаю её руку. Рука тонкая, как птичья лапка, и ледяная, хотя лоб горит.

— Я знаю, — говорю я. — Потерпи. Ещё немного.

Ещё немного. Я повторяю это как молитву, хотя не верю ни в богов, ни в святых. Верю в сделки. У всего есть цена. Если готов заплатить, получишь желаемое. Так учил меня отец, лекарь. Он умер от лихорадки, подхваченной у чужого одра. Он говорил: «Мир — это рынок, Лиора. Только не все товары лежат на прилавке».

Сейчас я собираюсь заглянуть под прилавок.

В подполе, под половицей, лежит книга. Она досталась мне от бабки. В деревне её звали ведьмой и старались не произносить её имя вслух. Я достаю книгу, сдуваю пыль, раскрываю на странице, заложенной лоскутом чёрной ткани. Страница пахнет железом и землёй. На ней рисунок: алтарь, круг, руны по краю. И текст: «Для тех, кто готов отдать больше, чем имеет».

Я знаю, что делаю. И всё равно делаю.

Свеча гаснет. В темноте я слышу, как Майя хрипит, и этот звук решает всё. Я беру нож, встаю и выхожу из дома. На пороге оборачиваюсь:

— Мортен! — зову я в темноту соседского двора. — Мортен, я ухожу. Побудь с ней. Прошу.

Старик появляется на крыльце. Сгорбленный, в тулупе поверх рубахи, с фонарём в руке. Он не спрашивает, куда и зачем я иду. Кивает и идёт к моей двери. Мы оба знаем: если я не вернусь, он останется с ней до конца.

Лес ночью — не тишина. Это шёпот. Ветки цепляют за рукава, корни подставляют подножки. Между стволов кто-то ходит — невидимый, но внимательный. Я иду по памяти и считаю шаги: сорок семь до поваленного дуба, потом налево, через овраг, мимо трёх берёз, что растут слишком близко друг к другу, словно сговорились. Алтарь стоит на поляне, которую даже звери обходят стороной. Я видела его однажды в детстве. Бабка водила меня за грибами и вдруг свернула не туда.

— Не смотри, — сказала она тогда. — Это дверь. А двери не любят, когда на них пялятся.

Я смотрю. Сейчас — во все глаза.

Алтарь — не храм и не святилище. Просто камень, серый, поросший мхом, с выщербленной чашей наверху. Вокруг на траве — тёмные пятна. Будто землю здесь когда-то щедро сдобрили кровью. Я достаю нож и режу ладонь. Боль резкая, отрезвляющая. Кровь капает в чашу — тяжёлая, тёмная, как разлитое вино.

— Я знаю, что ты слышишь, — говорю я в темноту. — Я знаю, что ты здесь. Я пришла заключить сделку.

Тишина. Потом ветер стихает резко, словно кто-то заткнул уши целому миру. В тишине раздаётся голос.

— Смертная. Какая скука.

Он не появляется из дыма или вспышки. Просто стоит по ту сторону алтаря — высокий, в чёрном. Лицо хочется рассматривать и хочется отвести взгляд. Красивое. Неправильно красивое, как лезвие: любуешься, пока оно не окажется у твоего горла. Глаза тёмные, без белков. В них — ничего. Ни интереса, ни презрения. Один холод.

— Я пришла с предложением, — говорю я. Голос не дрожит. Хорошо. — Моя сестра умирает. Проклятие. Ты можешь его снять.

Он склоняет голову набок. Плавно, слишком плавно, словно у него нет костей.

— Могу, — соглашается он. — А что ты дашь взамен?

— Что ты хочешь?

— Ты знаешь, кто я?

— Король Теней. Правитель Забвения.

— Тогда ты знаешь, что я не торгуюсь. Я ставлю условия.

Он обходит алтарь медленно, не сводя с меня глаз. Земля под его ногами не шумит. Трава не приминается. Он как тень. Только тень, у которой есть вес.

— Жизнь сестры в обмен на тебя, — говорит он. — Ты станешь моей женой. Будешь жить в Забвении. Здесь, — он обводит рукой лес, — ты больше не появишься.

— Навсегда?

— Навсегда.

Я сглатываю. Вот оно. Я знала, что цена будет такой. Знала, когда шла сюда. И всё равно внутри что-то обрывается. Тонкая нить, связывающая меня с миром, где остались солнце, травы, люди. Свобода.

— Я хочу право вернуться, — говорю я. — Хотя бы раз. Проведать её.

— Нет.

— Тогда право отказаться. Если я захочу уйти — ты отпустишь.

Он смеётся. Тихо, безрадостно.

— Ты не понимаешь, смертная. Брак со мной — не клетка, из которой можно выйти. Это клетка, которая становится твоей кожей. Ты получишь жизнь сестры. Всё остальное — моё.

— Тогда я не согласна.

Он замирает. Впервые за разговор в его глазах появляется что-то похожее на интерес.

— Не согласна, — повторяет он. — А сестра?

Я молчу. Он знает. Видит меня насквозь. Видит, что я блефую, что приползу на коленях, если придётся.

— Я не торгуюсь, — говорит он. — Я решаю, что дать. Но слушай внимательно, смертная: в моём доме ты будешь говорить, когда другие молчат. Сможешь просить. Я не обещаю, что услышу. Но ты не будешь вещью. Пока не докажешь, что ты и есть вещь.

— Что это значит?

— Это значит, что ты будешь моей женой. А женятся не на вещах. Даже демоны.

Он протягивает руку. Бледная ладонь, длинные пальцы. Под кожей словно текут тени — медленно, вязко.

— Решай, Лиора. У тебя мало времени. У неё — ещё меньше.

Он знает моё имя. Конечно, знает. Я смотрю на его руку и думаю о Майе. Как она смотрит на меня огромными глазами. Как беззвучно шепчет «больно». Если я откажусь, через неделю буду хоронить её на том же кладбище, где лежат отец и бабка. А через год забуду, как звучал её смех.

— Покажи мне её. Покажи, что она дышит. Иначе я не поверю.

Он поднимает свободную руку. В воздухе между нами разворачивается видение — мутное, как отражение в тёмной воде. Майя на постели. Грудь поднимается и опускается ровно, глубоко. Мортен сидит рядом на табурете, держит её за руку. Проклятие уходит. Чёрные нити под её кожей бледнеют, истончаются, рвутся.

— Довольна? — спрашивает он.

Я вкладываю ладонь в его руку.

Холод. Не просто холод — что-то глубже. Словно я сунула руку в зимнюю реку, только река течёт сквозь меня. Он сжимает пальцы. На коже вспыхивает боль — резкая, яркая, как удар хлыста. Я вскрикиваю и пытаюсь отдёрнуть руку. Он держит.

— Не дёргайся, — говорит он спокойно. — Это метка. Она свяжет тебя со мной и с замком. Теперь я буду знать, где ты. И когда тебе больно.

На запястье проступает рисунок. Тонкие линии переплетаются в узор, похожий на корни или вены. Они чёрные, но под кожей словно движется что-то живое. Боль стихает. Остаётся странное тепло — чужое, не моё.

— Готово, — говорит он и отпускает руку.

Я смотрю на метку. Потом на него.

— Майя.

— Уже.

Он делает шаг назад. Что-то меняется. Воздух становится плотнее, лес — тише. Я оборачиваюсь. Тропа, по которой я шла, исчезла. Вместо неё — стена тумана.

— Что это?

— Ты согласилась, — говорит он. — Теперь ты моя. Идём.

Замок встречает меня запахом пыли и чего-то ещё — сладковатого, тошнотворного, как от увядших цветов в закрытой комнате. Мы появляемся в огромном зале с высоким сводчатым потолком. Я не понимаю, как мы здесь оказались. Просто шаг — и мы уже не в лесу.

Стены чёрные, точно обугленные. Канделябры горят синим огнём, и этот свет не греет. Под ногами — мозаика из тёмного камня. Готова поклясться, узор под нашими шагами меняется. Двери по периметру зала — высокие, резные — закрыты. Все, кроме одной, той, что прямо перед нами.

— Это твой дом, — говорит Сарэн. — Пока.

— Пока? — переспрашиваю я.

— Пока ты жива.

Он идёт вперёд, не оглядываясь. Я иду за ним. Альтернатива — остаться одной в зале, где стены, кажется, дышат.

Коридоры петляют. Я пытаюсь запомнить дорогу: поворот направо, потом налево, потом мимо двери с вырезанным черепом. Через минуту понимаю — бесполезно. Замок не хочет, чтобы я запоминала. Он меняет коридоры за спиной. Я слышу, как затихает эхо наших шагов там, где только что была стена, и как открывается проход, которого секунду назад не было.

— Не пытайся, — говорит Сарэн, не оборачиваясь. — Он всё равно тебя запутает.

— Он живой?

— Он голодный.

Мы останавливаемся перед дверью. Она меньше остальных — обычная, деревянная, с простой ручкой. Сарэн открывает её и отступает.

— Твои покои.

Внутри — кровать с балдахином, тёмный шкаф, столик у окна. Окно забрано решёткой. Тонкой, чёрной, но решёткой. Я смотрю на неё, и внутри поднимается что-то острое, злое.

— Я думала, жёнам не положено решёток на окнах.

— Это не решётка, — говорит он. — Это защита. Замок любит пробовать гостей на вкус. Через окно он не достанет.

— А через дверь?

— Через дверь — я.

Он стоит в проёме. Свет из коридора падает на его лицо. В этом свете он кажется почти человеком — усталым, жёстким, с складкой между бровей. Потом он поворачивает голову, и тени в углах тянутся за ним, как собаки на сворке.

— Сегодня ночью не выходи, — говорит он. — Замок не убьёт тебя. Пока я не разрешил. Но он будет пугать. Это его природа.

— А ты? Ты тоже будешь пугать?

Он смотрит на меня долго. Без выражения.

— Я не пугаю, Лиора. Я предупреждаю. Ложись спать. Утром я приду.

Дверь закрывается. Я остаюсь одна.

Я не сплю. Лежу на кровати поверх одеяла, в платье, с ножом под подушкой — единственным, что успела взять из дома. Метка на запястье ноет, словно под кожей застряла заноза. Я тру её большим пальцем. Не помогает. Замок шепчет. Я слышу его тихо, на грани слуха: шорох, скрип, чей-то вдох в темноте. Стены дышат. Я чувствую, как они тянутся ко мне — медленно, настойчиво, как мох к камню.

Не знаю, сколько проходит времени. Может, час. Может, два. Я начинаю задрёмывать. В этот момент дверь открывается.

Не та, что ведёт в коридор. Другая — в стене, которую я считала глухой. Дверь исчезает. В проёме стоит фигура. Высокая, худая, с длинными пальцами, которые заканчиваются когтями. В темноте блестят глаза — жёлтые, как у хищной птицы.

— Смертная, — говорит фигура. Голос скрипучий, будто несмазанная петля. — Какой запах. Какой сладкий.

Я скатываюсь с кровати, выхватывая нож. Руки дрожат, но я держу его перед собой.

— Не подходи.

Фигура смеётся. Это звук, от которого хочется зажмуриться.

— Она думает, что нож поможет. Сарэн привёл в дом мясо. Мясо с запахом крови. Мы так давно не пробовали смертной крови.

Он делает шаг. Я отступаю. За спиной — стена. Дверь в коридор заперта. Я дёргаю ручку. Бесполезно.

— Замок, — шепчу я, и стены вокруг вздрагивают. — Замок, ты же живой. Не пускай его.

Стены молчат. Фигура приближается.

— Замок слушается хозяина. Хозяин не сказал тебя защищать. Он сказал только не убивать. Но я могу сделать больно. Очень больно.

Когти касаются плеча. Я вскрикиваю и бью ножом — вслепую, куда-то в бок. Он отшатывается и шипит. На одежде проступает тёмное пятно. В воздухе резко пахнет железом.

— Дрянь. Ты меня порезала.

И тут я чувствую. Метка на запястье вспыхивает болью — острой, обжигающей, будто в неё плеснули кипятком. Я вскрикиваю и хватаюсь за руку. Дверь в коридор распахивается с такой силой, что щеколда слетает.

Сарэн входит быстро. Слишком быстро для человека. Он оказывается в комнате, между мной и фигурой. Тьма вокруг него сгущается, становится плотной, тяжёлой. Тени в углах вытягиваются, принимают форму — острые, как лезвия.

— Кто посмел? — говорит он тихо. От этого голоса у меня стынет кровь.

Фигура отступает. Теперь она кажется меньше, съёжившейся. Жёлтые глаза уже не блестят — мечутся, ищут выход.

— Хозяин, я не знал… она смертная, она просто мясо…

— Она моя.

Слово падает, как удар. Тени вокруг Сарэна бросаются вперёд. Фигура исчезает — уходит в стену, растворяется, оставляя запах гари и что-то ещё, тошнотворное.

Сарэн оборачивается. Его глаза всё ещё черны, но в них теперь есть что-то, чего не было раньше. Что-то горячее.

— Ты цела?

Я киваю. Руки всё ещё дрожат, нож я так и не выпустила.

— Я же сказал — не выходи.

— Я не выходила! Он пришёл через стену!

— Знаю, — говорит он, глядя на стену. — Замок больше не откроет ему двери. И никому другому.

— Почему ты не защитил меня сразу? — вырывается у меня. — Ты же знал, что они придут.

Он смотрит на меня сверху вниз. В его лице нет ни вины, ни сожаления.

— Я не защищаю. Я владею. Разница в том, что владение требует доказательств. Теперь они знают, что ты — моя. И что я приду, если тебя тронут.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который ты получишь.

Он подходит ближе. Тени за его спиной шевелятся. От него веет холодом — тем самым, что был при первом прикосновении.

— Ты порезала Ллаэта, — говорит он вдруг. — Хорошо. Значит, не беспомощная.

— Ты знаешь его имя?

— Это мой двор. Я знаю всех.

Он поднимает руку и касается моего лица. Кончиками пальцев, почти нежно. Кожа под его пальцами немеет.

— Сегодня ты впервые увидела, насколько я опасен. И насколько я не собираюсь тебя отпускать. Запомни это, Лиора. Ты принадлежишь мне. Не замку. Не двору. Мне. И если кто-то снова посмеет тебя тронуть, я не буду спрашивать, кто он и зачем пришёл. Я просто сотру его в пыль. Это не защита. Это собственность.

Я смотрю в его глаза и вижу себя — маленькую, растрёпанную, с ножом в руке. И ещё что-то — тёмное, голодное. Оно тянется ко мне, как к единственному источнику тепла в этом ледяном мире.

— А если я не хочу быть собственностью?

— Тогда тебе придётся стать чем-то большим, — говорит он и уходит.

Дверь закрывается. Я стою посреди комнаты. Метка на запястье ноет всё сильнее. Замок молчит — впервые за всю ночь. Словно притаился и ждёт.

А я думаю о Майе. О том, что она жива. О том, что я спасла её — и теперь должна спасать себя.

За окном занимается рассвет. Небо над Забвением серое, без солнца. И в этом сером свете я вдруг слышу отчётливо, словно кто-то шепчет прямо в ухо:

— Госпожа.

Замок назвал меня госпожой. Впервые.

И я не знаю, радоваться мне или бояться.

Глава 2

Я просыпаюсь от того, что кто-то произносит моё имя.

Не шёпотом — вдохом. Стены втягивают воздух и выдыхают обратно. В выдохе складывается: «Ли-о-ра». Я лежу с открытыми глазами и слушаю, как затихает эхо под потолком. Нож под подушкой на месте. Метка на запястье ноет.

Только теперь она ноет иначе.

Я подношу руку к свету. Вчера линии были простыми — корни, вены, чёрная паутина под кожей. Сегодня узор разросся. От главной ветви отходят тонкие побеги. Они закручиваются спиралью вокруг запястья и уходят к ладони. В самой середине — маленькая тёмная точка, как зрачок. Я касаюсь её пальцем, и по руке проходит холод. Не боль. Другое. Словно я тронула стену в темноте и нащупала дверь.

И замок отвечает.

Не знаю, как это описать. Внутри меня — не в голове, глубже, под рёбрами — появляется ощущение чужого присутствия. Оно не давит. Оно ждёт. Как собака у порога, ждущая, когда хозяин соизволит встать.

— Ты меня чувствуешь? — говорю я вслух. — Да?

Стены молчат. Но занавеска на окне шевелится, хотя окно закрыто. И я понимаю: замок не притворяется. Он правда меня слышит.

Я сажусь на кровати. Вчерашнее платье измялось, волосы растрепались, на плече — четыре тонкие царапины от когтей Ллаэта. Я трогаю их и морщусь. Не глубокие. Но саднят.

Первая мысль — Майя. Я закрываю глаза и тянусь к метке, будто к струне. Ничего. Ни видения, ни голоса. Только холод — ровный, спокойный, далёкий. Сарэн? Или замок? Я не различаю. Может, они и не различаются.

Вторая мысль — выйти отсюда.

Я встаю, подхожу к двери, дёргаю ручку. Вчера она была заперта. Сегодня открывается. Легко, без скрипа, будто замок передумал.

— Так, — говорю я тихо. — Значит, правила меняются.

Коридор за дверью не тот, что вчера. Вчера мы шли мимо двери с черепом, и я считала повороты. Сегодня черепа нет. Вместо него — голая стена. На ней в камне вырезан узор: спираль, уходящая внутрь себя.

Я иду налево. Просто потому, что направо коридор сужается так, что в нём едва разойтись двоим. Мне это не нравится.

Пол под ногами тёплый. Не горячий — тёплый, как кожа. Я стараюсь не думать об этом.

— Ладно, — говорю я замку. — Ты меня слышишь. Тогда ответь. Где выход?

Стены молчат. Но в конце коридора открывается проход — медленно, неохотно, будто камень раздвигается с усилием. Я сворачиваю туда и оказываюсь в галерее. Свет здесь синеватый, от канделябров. От него лица статуй в нишах кажутся живыми. Я стараюсь на них не смотреть.

— Не хочешь показывать выход, — бормочу я. — Понимаю. Ты голодный. Голодные не отдают добычу.

Где-то глубоко в стенах раздаётся низкий звук. Не рычание. Скорее довольное урчание. Я замираю.

— Тебе нравится, когда тебя понимают, — говорю я. — Запомню.

Следующий поворот приводит меня в тупик. Я уже разворачиваюсь, чтобы идти назад, когда замечаю: стена передо мной не такая, как остальные. Камень темнее. В нём — дверь. Низкая, без ручки, с вырезанными по косяку именами. Я подхожу ближе и читаю, водя пальцем по буквам.

«Ирма. Аэлис. Тавия. Селена. Мирра».

Пять имён. Мелкие буквы, вырезанные торопливо, будто тот, кто это делал, боялся, что его застанут. Под каждым именем — маленькая метка. Такая же, как на моём запястье.

У меня холодеет затылок.

— Замок, — говорю я тихо. — Открой.

Дверь не двигается. Я прижимаю ладонь к камню и чувствую, как под пальцами проходит дрожь. Замок колеблется. Я почти слышу его мысли: не надо. Не сейчас. Уходи.

— Открой, — повторяю я; в голосе появляется то, чего я сама не ожидала: приказ. — Я твоя госпожа. Ты сам так сказал.

Тишина. Долгая. Потом дверь отходит внутрь — на палец, на ладонь, настежь.

Комната за дверью пахнет пылью и старой тканью. Я вхожу и останавливаюсь.

Портреты. Их пять — по стенам, в тяжёлых рамах. На каждом — женщина. Разные эпохи: у одной платье с высоким воротом и жемчуг на шее, у другой простое, крестьянское, у третьей охотничий костюм и коротко стриженные волосы. Разные лица. Одна темноволосая, другая рыжая, третья седая — но седая не от старости, а от чего-то другого, что оставило на её лице тень.

И у каждой — метка на запястье. Нарисована с такой тщательностью, что я вижу завитки линий.

Под каждым портретом — табличка. Имя и две даты.

«Ирма. 1392–1394». «Аэлис. 1401–1403». «Тавия. 1418–1420». «Селена. 1427–1430». «Мирра. 1441–1443».

Я считаю в уме. Три года. Два. Два. Три. Два.

Ни одна не прожила дольше трёх лет.

Я стою посреди комнаты, и пол под ногами кажется зыбким. Вчера ночью Сарэн сказал: «Ты не будешь вещью. Пока не докажешь, что ты и есть вещь». Он говорил о браке так, будто это сделка. Он не сказал, что сделки заканчиваются смертью.

— Что вы сделали? — спрашиваю я. — Что он с вами сделал?

Портреты молчат. Но на столике у окна лежит книга — толстая, в кожаном переплёте, наполовину обгоревшая. Я подхожу, беру её. Страницы осыпаются под пальцами, но некоторые уцелели. Почерк женский, торопливый, с наклоном.

«…он не лжёт. Никогда. В этом его жестокость: он говорит правду, и правда убивает…»

Я переворачиваю страницу. Края обуглены, строки обрываются на полуслове.

«…ритуал проводят на третью луну. Якорь — это не брак. Якорь — это я. Моя кровь держит печать, а печать держит Забвение. Он не сказал мне, что цена…»

Дальше — вырванный лист. Я листаю быстрее.

«…двор требует доказательств. Они не верят, что смертная может быть…»

«…Ллаэт приходил ночью. Он сказал, что если я умру раньше срока, то…»

«…я нашла в саду пепел. Там были кости. Маленькие. Я не стала спрашивать, чьи…»

Последняя уцелевшая страница почти чистая. Только в самом низу, у корешка, несколько слов, написанных так, будто рука дрожала:

«…он приходил ко мне сегодня. Стоял у двери и смотрел. Я спросила, зачем. Он ответил: „Ты моя“. И ушёл. Я не знаю, что страшнее — когда он рядом или когда его нет…»

Дневник обрывается. Я закрываю книгу и держу её в руках. Пальцы ледяные.

Три года. Максимум. И все они умерли.

— Ты не первая, — раздаётся голос от двери.

Я не вздрагиваю. Почему-то не вздрагиваю. Просто оборачиваюсь.

Сарэн стоит в проёме. Свет из галереи падает на него сзади, лица не видно — только силуэт. Высокий, неподвижный, руки опущены вдоль тела. Я жду, что он разозлится. Что стены содрогнутся, что тьма в углах поднимется, как вчера.

Он не двигается.

— Ты знал, что я найду эту комнату, — говорю я.

— Нет. — Он делает шаг внутрь. — Я знал, что ты попытаешься. Разница существенная.

— Ты не сказал мне о них.

— Ты не спросила.

— Я спросила, что будет со мной!

— Ты спросила, отпущу ли я тебя. Это другое.

Я сжимаю дневник так, что корешок трещит.

— Они умерли. Все. Три года, два, три — и всё. Что это за ритуал? Что за якорь?

Сарэн молчит. Он подходит к первому портрету — Ирмы, темноволосой, с жемчугом — и смотрит долго, без выражения.

— Ирма была первой, — говорит он наконец. — Она пришла ко мне сама. Не из-за сестры. Из-за власти.

— И что с ней стало?

— То, что случается со всеми, кто ищет власть, не понимая её цены.

— Это не ответ.

— Это правда. — Он поворачивается ко мне. — Ты требуешь объяснений, которых сама ещё не заслужила. Но кое-что я тебе скажу. Ты не первая. Но ты первая, кто нашёл эту комнату сам.

Я вглядываюсь в него и пытаюсь понять, что в его голосе. Гордость? Насмешка? Что-то среднее.

— Это должно меня утешить?

— Это должно тебя насторожить. — Он подходит ближе. — Двор знает, что ты здесь. Они ждут. Завтра я представлю тебя как свою жену.

— А если я не хочу быть представленной?

— Тогда тебя представят как труп. — Он говорит ровно, без угрозы, и от этого страшнее. — В Забвении слабость — приговор. Ты можешь не любить меня, Лиора. Можешь ненавидеть. Но пока ты моя, тебя не тронут. Пока ты моя и пока ты стоишь.

— Ллаэт стоял вчера в моей комнате с когтями у моего плеча.

— Ллаэт получил урок.

— Он будет там? Завтра?

— Да.

— И кто-то ещё хочет моей смерти. Ты это знаешь.

Сарэн не отвечает сразу. Он смотрит на меня, и в его тёмных глазах что-то движется — медленно, как тени под водой.

— Знаю, — говорит он.

— Кто?

— Если я скажу, ты сделаешь глупость. Попытаешься защититься от одного и не увидишь другого. — Он поднимает руку и почти касается моего лица. Но не касается. Пальцы замирают в дюйме от кожи. — Ты хочешь выжить? Тогда научись играть по правилам Забвения. Не по человеческим. Здесь не прощают. Здесь не жалеют. Здесь уважают только тех, кто может откусить руку.

— Ты говоришь так, будто это не твой двор.

— Это и мой двор. И они ждут, когда я ошибусь. — Он отступает. — Жена-смертная — ошибка в их глазах. Докажи, что они неправы.

Я смотрю на дневник в руках. Потом на портреты. Пять женщин. Пять меток. Пять смертей.

— А если я не смогу? — спрашиваю я тихо.

— Тогда ты станешь шестым портретом, — говорит он. — И я найду себе седьмую.

Он уходит. Дверь за ним закрывается сама — мягко, без стука, будто замок извиняется.

Я остаюсь одна среди мёртвых жён.

Я возвращаюсь в свои покои только к вечеру. Замок ведёт меня обратно — неохотно, петляя, будто надеясь, что я заблужусь и останусь в нём навсегда. Но я запоминаю: спираль на стене, потом три поворота, потом галерея со статуями, потом дверь с черепом. Она снова здесь — череп вернулся.

Дневник я забираю с собой. Прячу под матрасом.

Вечером приходит служанка. Не демон — женщина, смертная, лет сорока, с усталым лицом и руками, которые знают работу. Она приносит еду и платье — тёмное, тяжёлое, с вышивкой по вороту.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я.

Она вздрагивает, будто её давно никто не спрашивал.

— Нель, госпожа.

— Ты давно здесь?

— Двадцать лет.

Я смотрю на неё. Двадцать лет. А жёны умирали через два-три года.

— Ты знала их? — спрашиваю я. — Тех, с портретов?

Нель опускает глаза. Пальцы у неё дрожат, когда она разглаживает платье.

— Знала, госпожа.

— Как они умерли?

Она молчит так долго, что я уже не жду ответа.

— По-разному, — говорит она наконец. — Но все — от его руки. Или от его бездействия. Это одно и то же.

Она уходит раньше, чем я успеваю спросить что-то ещё.

Ночью сон не идёт. Я сижу на кровати, дневник на коленях, и читаю уцелевшие строки снова и снова. «Якорь — это я. Моя кровь держит печать». «Цена, которую платит невеста». «Он не лгал. Он просто не говорил всей правды».

Метка ноет. Я касаюсь её и чувствую: замок рядом. Он слушает. Он ждёт, что я сделаю.

— Ты знаешь, что это за ритуал? — спрашиваю я.

Стены молчат. Но занавеска на окне шевелится, и в этом движении — что-то похожее на «да».

— Ты мне поможешь?

Долгая пауза. Потом в стене напротив кровати появляется трещина — тонкая, едва заметная. Она складывается в букву. Одну. Потом вторую. Потом третью.

«НЕТ».

Я смотрю на это слово, вырезанное в камне, и понимаю: замок не на стороне Сарэна. Замок на своей стороне. И он ещё не решил, на чьей стороне я.

— Спасибо за честность, — говорю я.

Трещина исчезает. Но я успеваю заметить, как стены вокруг меня едва уловимо сжимаются — будто замок кивнул.

Утром я надеваю платье, которое принесла Нель. Оно сидит идеально — слишком идеально, будто сшито по мерке. Я заплетаю волосы, смотрю на себя в тёмное зеркало в углу комнаты. Метка на запястье больше не выглядит чужой. Она выглядит как часть меня.

— Ладно, — говорю я отражению. — Значит, игра.

Дверь открывается без стука. Сарэн стоит на пороге — в чёрном, с высоким воротом. В его облике сегодня есть что-то, от чего у меня пересыхает во рту. Не угроза. Собранность. Он идёт на войну, и я — его оружие.

— Готова? — спрашивает он.

— Нет, — говорю я честно. — Но это ничего не меняет.

Он смотрит на меня секунду дольше, чем нужно. Потом кивает.

— Правильный ответ. Идём.

Мы идём по коридорам, и замок расступается перед нами. Двери открываются сами, стены выпрямляются, свет становится ярче. Он показывает хозяина. Или показывает меня.

— Сарэн, — говорю я тихо, не поворачивая головы. — Ты сказал, что не лжёшь в сделках. Скажи мне одну правду. Зачем тебе жена? Настоящая причина.

Он не сбавляет шага. Молчит так долго, что я думаю — не ответит.

— Печать, — говорит он наконец. — Забвение держится на печати. Печать держится на крови. Кровь должна быть живой.

— И смертной.

— И смертной. — Он поворачивает голову, и наши взгляды встречаются. — Но я не собираюсь тебя убивать, Лиора. Если бы мне нужен был труп, я бы не стал брать жену. Я бы взял жертву.

— А в чём разница?

— В том, что жертва не сопротивляется. — Он отворачивается. — А ты сопротивляешься. Мне это нужно.

Мы останавливаемся перед высокими дверями. За ними — гул голосов, низкий, тяжёлый, как рокот воды. Сарэн кладёт руку на створку и не открывает.

— Запомни, — говорит он, не глядя на меня. — Не отводи взгляд. Не показывай страх. Если кто-то тебя оскорбит — отвечай. Если кто-то тебя ударит — ударь в ответ. Я не буду вмешиваться. Пока ты стоишь.

— А если я упаду?

— Тогда я подниму тебя. — Он наконец смотрит на меня. — Но запомни: поднимать — это моя привилегия. Не их.

Двери открываются.

Зал полон. Демоны — высокие, красивые, страшные — стоят вдоль стен и за длинным столом. Свет канделябров отражается в их глазах, и эти глаза смотрят на меня. Голодно. Оценивающе. Один из них — Ллаэт, у дальней стены, с перевязанным боком и жёлтыми глазами, полными ненависти. Он улыбается мне. Медленно. Обещая.

Сарэн ведёт меня вперёд, и гул стихает.

— Моя жена, — говорит он. Голос негромкий, но его слышно в каждом углу. — Лиора. Кто тронет её — тронет меня. Кто убьёт её — умрёт медленнее, чем может вообразить.

Тишина. Потом кто-то у дальнего стола смеётся — коротко, зло.

— Смертная, — говорит тот же голос. — Как трогательно. А что она сделает, когда ты устанешь её защищать, Король?

Сарэн не отвечает. Он смотрит на меня.

И я понимаю: это мой ход.

Я делаю шаг вперёд. Взгляды всех в зале впиваются в меня, как иглы. Мне страшно. Так страшно, что колени дрожат. Но я не отвожу взгляд.

— Я сделаю то, что сделала с Ллаэтом, — говорю я, и голос не дрожит. — Порежу.

Смех обрывается. Ллаэт у стены перестаёт улыбаться. Кто-то у стола отставляет кубок.

А замок — я чувствую это под рёбрами — довольно вздыхает.

Сарэн не улыбается. Но когда он кладёт ладонь мне на спину — между лопаток, холодную, тяжёлую, — я чувствую через метку что-то, чего не чувствовала раньше. Не гордость. Не похоть. Что-то древнее и голодное. Оно тянется ко мне и не хочет отпускать.

— Хорошо, — говорит он тихо, только мне. — Теперь они знают, что ты не просто мясо.

Он убирает руку. Я стою прямо, смотрю в зал, и внутри меня бьётся одна мысль, острая, как нож:

Я не стану шестым портретом. Я стану тем, кто сорвёт их со стены.

Глава 3

Ночь после представления двору тянется, как смола.

Я сижу на кровати, поджав ноги, и перечитываю дневник. Строки расплываются перед глазами. Я знаю их наизусть, но возвращаюсь снова и снова — вдруг от повторения появится что-то новое. «Якорь — это я. Моя кровь держит печать». «Цена, которую платит невеста». «Он не лгал. Он просто не говорил всей правды».

Метка ноет. Ровно, тихо, как застарелая рана на погоду. Замок молчит — впервые за весь день. Не шепчет, не дышит, не тянется ко мне стенами. Наблюдает. Я чувствую его внимание под рёбрами — холодное, выжидающее. Словно сидит в темноте у постели и смотрит, что я буду делать.

— Ты знаешь, что случилось с теми, с портретов? — спрашиваю я, не поднимая головы от дневника.

Стены не отвечают. Но в углу, где тень гуще, что-то шевелится — медленно, неохотно. Не слово. Просто движение. Замок не хочет говорить об этом.

— Ладно, — говорю я. — Тогда я найду сама.

Закрываю дневник и прячу его под матрас. Ложусь. Смотрю в потолок, где синий свет канделябров вычерчивает круги. Сон не идёт. В голове крутятся лица демонов из зала — голодные, оценивающие, смеющиеся. Ллаэт с жёлтыми глазами. Тот, кто спросил: «Что она сделает, когда ты устанешь её защищать?» Сарэн, который не ответил. Который смотрел на меня. Ждал, что я скажу.

Я сказала. И теперь они все знают, что я не просто мясо.

Но это не делает меня своей.

Стук в дверь. Тихий, вороватый. За окном ещё темно. Я сажусь, нашариваю нож под подушкой.

— Кто?

— Это я, госпожа. Нель.

Я открываю. Служанка стоит на пороге, кутаясь в шаль. В руке — не поднос с едой, а клочок пергамента, свёрнутый в трубку. Она протягивает его, и пальцы дрожат.

— Что это?

— Не знаю, госпожа. Мне передали. Сказали: вам.

— Кто передал?

Нель опускает глаза. Боится. Плечи сжались, переступает с ноги на ногу, будто хочет убежать.

— Я не видела лица, госпожа. Он был в плаще. Оставил на кухонном столе и ушёл. Я нашла только это.

Я разворачиваю пергамент. Почерк мелкий, острый, с наклоном вправо.

«Ты не переживёшь третью луну, если будешь играть одна. Я знаю, что случилось с остальными. Встретимся в саду пепла на рассвете. Приходи одна».

Подписи нет.

Я перечитываю дважды. Смотрю на Нель.

— Ты знаешь, что здесь написано?

— Нет, госпожа. — Она качает головой. В глазах страх, настоящий, не наигранный. — Я не читаю.

Верю. Не потому, что она заслуживает доверия — не знаю, заслуживает ли. Просто у неё не тот страх. Она боится не того, что я прочитаю, а того, что спрошу, от кого это.

— Иди, — говорю я. — И никому не говори об этом.

Она уходит быстро, почти бегом. Я закрываю дверь, прислоняюсь спиной.

Сад пепла. Рассвет. Одна.

Это может быть ловушка. Ллаэт уже пробовал — через стену, с когтями. Может, он решил иначе. Может, кто-то из тех, кто смеялся в зале. Может, Вэйра — та, о которой я ещё не знаю. Может, Сарэн проверяет, послушная ли я жена.

А может, это единственный шанс узнать правду.

Смотрю на метку. Тёмная точка в центре узора пульсирует в такт моему сердцу.

— Ты слышал? — спрашиваю я замок. — Кто-то хочет со мной поговорить.

Стены молчат. Но занавеска на окне шевелится — едва заметно, будто замок пожимает плечами.

— Если это ловушка, — говорю я, — и я не вернусь, ты приведёшь его?

Долгая пауза. В стене напротив появляется трещина. Одна буква. Потом вторая.

«ДА».

Я выдыхаю. Не знаю, почему это меня успокаивает. Замок ещё не решил, на чьей он стороне. Но он не хочет, чтобы я умерла. Пока.

Готовлюсь, как к операции. Нож — за пояс, рубаха поплотнее, волосы забрать, чтобы нельзя было схватить. На подоконнике царапаю ножом крест — знак, что вернусь. Если не вернусь, замок заметит. Может, поймёт.

Сад пепла — в восточном крыле. Вчера, когда мы шли в зал, я видела в конце галереи дверь с вырезанным деревом — сухим, без листьев. Замок не путал меня вчера. Не путает и сегодня — коридоры стелются прямо, двери открываются сами. Он ведёт меня. Или позволяет себя вести.

Дверь с деревом открывается от лёгкого толчка. За ней — воздух.

Не холодный, не тёплый. Мёртвый. Выхожу и останавливаюсь.

Сад пепла — лес, который сгорел, но не упал. Деревья стоят чёрные, обугленные, без листьев. Ветви тянутся к серому небу, как скрюченные пальцы. Трава под ногами серая, сухая, хрустит, как старая бумага. Между деревьями — статуи. Женщина с поднятой рукой. Мужчина с мечом. Ребёнок с птицей на ладони. Все покрыты копотью, у всех стёрты лица.

Иду по тропе, что вьётся между стволами. Нож в руке, пальцы на рукояти. Считаю шаги, чтобы запомнить дорогу назад.

На поляне в центре сада стоит она.

Высокая. Серебряные волосы заплетены в сложную косу. Тёмно-зелёное платье кажется почти чёрным в сером свете. Она стоит неподвижно, сложив руки перед собой, и смотрит на меня. Глаза светло-серые, как пепел под ногами. Спокойные.

— Лиора, — говорит она. Голос низкий, ровный, без насмешки. — Ты пришла. Я думала, ты не придёшь.

— Кто ты?

— Вэйра. — Она склоняет голову — чуть-чуть, ровно настолько, чтобы это сочли вежливостью. — Советница Короля. Одна из немногих, кто пережил смену власти.

— Смену власти?

— Долгая история. — Она делает шаг вперёд, я — назад. Она останавливается. — Не бойся. Если бы я хотела тебя убить, не стала бы писать записки.

— Ллаэт тоже не писал.

— Ллаэт — дурак. — В голосе появляется что-то острое. — Он думает, что месть — это когти в темноте. Не понимает, что настоящая месть требует терпения.

— И ты пришла предложить мне месть?

— Я пришла предложить тебе союз.

Она садится на каменную скамью — единственную вещь в саду, не покрытую копотью. Я не сажусь. Стою.

— Я слушаю.

— Ты не переживёшь третью луну, — говорит Вэйра. — Не потому, что Сарэн тебя убьёт. Потому что печать тебя высосет. Ты знаешь, что такое печать?

— Знаю, что она держится на крови.

— На живой крови. — Вэйра смотрит на меня. В глазах — что-то похожее на жалость. Я не люблю жалость. — Забвение — не просто мир. Это рана. Рана в ткани бытия, которую нельзя зашить. Можно только запечатать. Сарэн — не правитель. Он замок на этой ране. А печать — то, что держит замок.

— И я — якорь.

— Ты — якорь. — Она кивает. — Каждая жена впитывала часть тьмы, которую Сарэн не может удержать в себе. Тьма разрушает смертное тело. Ирма продержалась три года. Мирра — два. Ты лекарь. Умеешь выдерживать чужую боль. Может, продержишься дольше. Но не навсегда.

— Сколько у меня времени?

— Три луны. — Вэйра поднимает руку. В воздухе появляется тусклый образ — диск луны, разделённый на три части. — На третью луну печать потребует полной отдачи. Или ты умрёшь. Или тьма вырвется. И Забвение падёт.

— А если я откажусь?

— Тогда ты умрёшь раньше. Печать не спрашивает разрешения.

Смотрю на неё. Говорит спокойно, без нажима. Это хуже угрозы. Угрозе можно не верить. Спокойствию — труднее.

— Ты сказала, что хочешь союза, — говорю я. — Что ты предлагаешь?

— Другой путь. — Вэйра опускает руку, образ луны гаснет. — Разорвать печать. Передать её Совету. Забвение не падёт — но Сарэн потеряет силу. Станет одним из многих. Не Королём. Просто демоном.

— И ты хочешь, чтобы я это сделала?

— Я хочу, чтобы ты помогла убедить его отказаться от трона. Добровольно. — Она смотрит в упор. — Если не выйдет — свергнуть.

Молчу. Ветер проходит по саду, пепел поднимается с земли — серые хлопья, похожие на снег. Одна из статуй — та, что с птицей — медленно поворачивает голову. Я вздрагиваю.

— Она живая?

— Всё здесь живое, — говорит Вэйра. — Просто не так, как мы привыкли.

— Почему ты хочешь свергнуть его? Ты же его советница.

— Я была советницей его отца. — В голосе впервые появляется что-то тёплое. Потом гаснет. — Сарэн убил его. Не сразу. Сначала его жену — мою сестру. Потом его. Я осталась, потому что кто-то должен присматривать за Забвением. Но я не забыла.

Смотрю на неё. Говорит правду. Или часть правды. Достаточно, чтобы это было опасно.

— Если я соглашусь, — говорю я, — что я получу?

— Жизнь. — Вэйра встаёт. — И свободу. Настоящую. Не клетку из кожи.

— А если я откажусь?

— Тогда я найду другого союзника. — Она пожимает плечами. — Но ты умрёшь. А я не люблю, когда умирают зря.

Я смотрю на неё долго. Я убираю нож за пояс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.